Царь и вор

Вор с дядей шли у царю воровать, пришли к царским воротам. Вор велит дяде вперёд итти, а дядя вору. Пошол, однако, дядя. Пошол дядя, подворотница пала, вору голову отсекла; вор тулово оставил, а голову с собой унёс.

А царь хочет знать, хто у него воровал. Стал клик кликать, всех баб собрать: которая женщина прослезится, та и жена убитого. Вор дядину жону научил: «Ты неси крынку молока, урони, пролей и плач: "Не жаль крынки, жаль молоко"». Выкопали могилу, собрались бабы; погонили баб мимо эту могилу ширинкой, жона дяди сронила крынку и плачёт:

«Не жаль крынки, жаль молоко». Так царь и не мог узнать вора.

В кабаке стали сыпать злато-серебро. «Хто-ле воровать будет». Злато-серебро теряитца, а к полу нехто не согибаетца. Стали людей поить, пили люди, заспали. Утрях спят, зашол поп и видит у вора на подошвы серебренник. Поп взял, да у вора полбороды и обрел. Проснулса вор, узнал, што у ся полбороды нет, взял да у многих полбороды обрел. И опеть не могли вора признать.

А вор думать стал, как попу на смену заёмно овратить. Сделал сибе ящик, подделал гумажны крыльё, одел хорошо платье и подлетел к попу перед окна на перила. Говорит: «Я ангел господень, ты достоин, тебя на небо нести, только будут мытарства, надо их перетерпеть». Посадил попа в куль, принёс и повесил на церковны ворота, на ограду и надписал надпись: «Хто пойдёт в церковь, кажной штобы по кулю по разу ударили». Попа тут кажной колотил, и до смерти заколотили.

А царь вора всё не можот признать. Оделса царь в шутовское платье и в рынке стал ходить, посоиватця меж людей. Ходит царь посоиватця, и вор посоиватця. Друг дружку заметили ворами. Вор у царя спрашиват:

— Воровать не пошли?

— Можно воровать.

— А к кому пойдём? Царь отвечат:

— К царю.

Вор царя по косице и хлесь.

— Ах ты, так твою мать! Давно-ле воруешь, а уж у царю идти хочешь, я веки ворую, да на царя-то (так!) никогда не думал воровать.

— А к кому ино пойдём воровать? — спрашиват царь.

— А к боярам, у их деньги-те даровые.

Пошли воровать к боярам, пришли к чердаку, а в чердаки, в верхних етажах огонь, собранье. Вор зелезны храпы вынел, на руки, на ноги наложил, полез по стене. А народ советуют, как царя кончить. Придумали так: позвать его к сибе в непоказанные чесы, а когда придёт, поднести ему цару. Цару выпьет, дак сам помрёт. Слез вор со стены, дал царю кокти, велел кверху лезть, самому прослушать. Одел царь кокти, залез, послушал один совет. Отозвал оттуль царь вора на особичу. Отошли они подале, царь снял с себя шутовское платье и оказалса во крестах и во полетах. Вор на коленки пал, извиняитца, што царя по косиче ударил. Царь его простил. Повёл царь вора во дворец.

— Когда бояра меня позовут во дворец, то я тебя назову иностранным купцом и возьму с собой. И будут мне подавать цару, я и спрошу: «У вас как — которой наливат, тот вперёд выпиват, але которому подают?» Вы и ответьте: «Которой наливат, тот вперёд выпиват».

Позвали бояра царя, пошол царь с вором, вор наряжон иностранным купцом. Стали царю подавать царку; царь спрашиват:

— Как в ваших местах: тот выпиват, кто наливат, але как? Купец отвечат:

— Которой наливат, тот первой и выпиват.

Царь приказал поднощику вперёд выпить. Выпил поднощик цару, да тут и помер; схватили всех, сколько тут было бояр, новых растреляли, новых на воротах повесили. А вора царь сибе думным доспел.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.